

Методолого-психологические размышления в гуманистическом
контексте. Очерк 2
Георгий Балл

Продолжая размышления, начатые в очерке [3], автор концентрирует внимание на значимости и возможности органичного объединения (в частности, в сфере психологии) методологических достижений, полученных в контексте научно-рационалистических подходов, с одной стороны, и гуманистической мировоззренческой ориентации, с другой.

1

Я снова начну свои размышления с проблемы **простоты и сложности** научно-теоретических построений. Мысли, созвучные с высказанными по этому поводу в моем первом очерке, содержатся в интересной монографии А.М. Ерёменко. Он делает акцент на том, что „научное познание есть неизбежное упрощение реальности, само установление той или иной закономерности всегда есть некоторое упрощение... Вопрос не в том, как избежать упрощения, а в том, как отделить эффективное упрощение от неэффективного” [12, т. I, с. 56].

То, что научное познание упрощает реальность, связано с самой его сущностью. Снова приведу подходящую цитату (на возможные упреки в чрезмерном цитировании я отвечаю так: если я нахожу у какого-либо автора мысль, с которой я целиком соглашаюсь и которая органически ложится в контекст моих соображений, то зачем искать свою формулировку, неужели согласно украинской поговорке “нехай гірше, аби інше”, т. е. “пусть хуже, лишь бы иначе”?). Так вот: „Объект науки – бытие; оно непрерывно и неисчерпаемо; предмет науки, как известно, создает она сама, выделяя и фиксируя в системе понятий отдельные аспекты, моменты, стороны бытия” [18, с. 153].

Отсюда вытекает значимость системы понятий: от степени ее совершенства в большой мере зависит, будет ли неизбежное упрощение реальности **эффективным**, то есть будут ли внедряемые научные репрезентации (модели, в широком смысле [8]) ее фрагментов одновременно и такими, с которыми удобно работать, и отражающими важные свойства упомянутой реальности.

Созвучными со сказанным представляются соображения Г.Г. Почепцова относительно виртуальных объектов. Считать ли разновидностью последних научные понятия и модели, зависит от трактовки многозначного понятия виртуальности. Как бы там ни было, не помешает следующая цитата: „Виртуальные объекты более системны, чем объекты реальные. Именно они упорядочивают наш хаотичный мир,... чем облегчается наше восприятие мира и принятие решений” [20, с. 13].

Высказанные соображения касаются, конечно, всех наук, но приобретают тем больший вес, чем сложнее объект научного познания. Выводы отсюда относительно психологии (как и относительно человековедения и обществоведения вообще), видимо, очевидны. Они состоят, в частности, в том, чтобы, с одной стороны, четко сознавать ограниченность своего

знания об очень сложных исследуемых объектах, но с другой – не впадать из-за этого в отчаяние. Носитель знания должен применять его – но осторожно, понимая и учитывая его неполноту: тогда он, говорил в своей нобелевской лекции Ф.А. фон Хайек, не сделает „больше зла, чем добра, в своих попытках улучшить социальный порядок” [24, с. 176]; вместе с тем он должен это знание совершенствовать – в частности, через взаимодействие с другими вариантами знания о том же объекте. „...Я могу принять, – справедливо говорит А.М. Ерёменко, – частичную и относительную истину, которой я обладаю, за полную и абсолютную. И как только я сделаю это – я перестану обладать истиной, истина обратится в заблуждение. Ибо всякая частичная истина есть частичное заблуждение, и она поворачивается стороной заблуждения к человеку, абсолютизирующему ее... Когда я ощущаю себя орудием осуществления истины, я должен понимать, во-первых, что не я один являюсь таковым орудием (но и, прибавлю от себя, скажем, и представители других научных направлений и школ. – Г. Б.), и, во-вторых, что через меня входит в мир частичная и относительная истина, а не полная и абсолютная” [12, т. II, с. 311 – 312].

Приведенные выше положения, собственно, хорошо известны; можно даже сказать, что они находятся на грани банальности. Тем не менее их следует повторять, поскольку ориентируются на них не очень часто. И не только вследствие догматического образования и идеологического давления. В науке, как и в других сферах идейно нагруженной деятельности, мы сталкиваемся с непростой этико-психологической проблемой: надо ли, чтобы пропагандировать и внедрять в жизнь определенные идеи, прежде всего **верить** в их истинность? Предостерегая, что в каждой ситуации научной деятельности эта проблема может решаться с учетом конкретных особенностей этой ситуации, я бы подчеркнул следующую общую установку¹: отстаивая определенные идеи (воплощенные, в частности, в соответствующие научные модели) ученый, конечно, должен верить, но желательно – не в их абсолютную истинность, а в две вещи:

во-первых, в то, что эти идеи, каковы бы ни были их недостатки и ограничения, необходимы для решения тех или иных задач – научно-познавательных или практических (социальных, производственных, педагогических и т. п.), что указанные идеи имеют, по крайней мере в определенных отношениях, преимущества перед другими идеями относительно тех же объектов, поэтому они обязательно должны звучать в диалоге (претендующем на плодотворность) с упомянутыми другими идеями;

во-вторых, в то, что именно данный субъект деятельности, поскольку определенные идеи близки ему, призван отстаивать, применять и развивать их, представлять их в упомянутом диалоге, во взаимодействии с другими идеями – и таким образом содействовать прогрессу науки и практики.

Очерченная стратегия исключает – считая неуместными в науке – и фанатизм², и граничащую с цинизмом, равнодушием к содержанию идей так называемую „праздную” толерантность [27]. Констатируя это, следует вместе с тем обратить внимание на то, что социокультурная ситуация оказывает на ученого (как и на любого вовлеченного в нее деятеля) различное по степени, механизмам и формам, но в любом случае мощное давление, побуждая его к отклонению – в ту или иную сторону – от описанной в предыдущем абзаце (будем считать, оптимальной) стратегии. Тем большего уважения заслуживают ученые, сумевшие противостоять такому давлению.

Одним из них – в широкой сфере гуманитарного знания – был Ю.М. Лотман (напомню, кстати, что он при этом искусно использовал и потенциал естественнонаучной традиции). Как отметил, на основе анализа его работ, М.Л. Гаспаров, „в истории нашей культуры 1960

–1990-х гг. структурализм Лотмана стоит между эпохой догматизма и эпохой антидогматизма, противопоставляясь им как научность двум антинаучностям” [10, с. 119].

2

Думаю, не вызовет возражений утверждение, что для достижения большей истинности научных построений необходим рационалистически ориентированный (проще говоря, разумный) анализ исследуемых объектов и познавательной ситуации в целом. Это побуждает обратиться к понятию **рационализма**, вокруг которого происходит немало споров. У них есть и лингвистический источник – многозначность латинского слова *ratio* (которому, кроме слова „разум”, соответствуют также „счет”, „учет”, „выгода” и др.). Тем не менее, если толковать *ratio* именно как „разум”, то, казалось бы, следует признать, что его наличие является самой существенной характеристикой человека (вспомним еще одно латинское словосочетание – *Homo sapiens*, то есть „человек разумный”, – используемое для обозначения современного человека как биологического вида).

Но всё не так просто. Главным основанием весьма распространенного в наше время скептического (а то и резко отрицательного) отношения к рационализму является увязывание этого понятия с т. н. **технократическим мышлением**, которое, к сожалению, доминирует в современной цивилизации и существенными чертами которого являются „примат средства над целью, частичной цели над смыслом и общечеловеческими интересами и ценностями” (цитирую С. У. Гончаренко [11, с. 96]). Г. Трач [23] небезосновательно усматривает в таких тенденциях общественного сознания „диктатуру рационально-технического интеллекта” и недооценку, или даже игнорирование, голоса „сердца” и „идейно-интуитивного мышления”. Эти тенденции находят всё более опасные для человечества проявления в войнах и приготовлениях к ним (с допущением применения оружия массового уничтожения), в насаждении экологически вредных технологий, в корыстном манипулировании сознанием и поведением больших масс людей и т. п.

Однако приведенные констатации, хоть и печальные, вовсе не опровергают рационализм и не оправдывают антиинтеллектуализм. Ведь, во-первых, технократическое мышление, будучи одной из разновидностей несбалансированного, **дисгармоничного интеллекта**, отнюдь не исчерпывает человеческий разум и не может быть с ним отождествлено; во-вторых, чтобы ослабить опасности, порожденные несбалансированным интеллектом, приходится опять-таки пользоваться интеллектом. Лишь опираясь на него, можно получить решения, способные „компенсировать недостаточную эффективность ранее принятых решений” [2, с. 50]. Вместе с тем ясно: чтобы не оказаться при этом в порочном круге, следует ориентироваться на сбалансированный, **гармоничный интеллект**. В такой ориентации можно усматривать реализацию принципа **рациогуанизма**, весьма значимого, в частности, для психологической науки и практики.

Не дублируя проведенного в моих предыдущих статьях (сошлюсь на последнюю – [5]) анализа этого принципа и других только что затронутых вопросов, ограничусь краткой характеристикой гармоничного интеллекта (в его достаточно развитой форме). Он:

а) не сводится к стандартизированным (а значит, легко поддающимся формализации, **технологизации**³, автоматизации – одним словом, сугубо цивилизационным, отчужденным от целостной культуры [7; 3]) вариантам, известным под названием рассудка, а выступает как творческий, готовый к работе с противоречиями диалектический разум;

б) настроен на возможно более полный и глубокий охват мира с преодолением временных, пространственных и содержательных ограничений, а также на **целостную духовность**, то есть на приобщение к высшим культурным (бытийным, по Абрахаму Маслоу [16]) ценностям в их единстве;

в) представляет собой единство дискурсивных и интуитивных составляющих.

Итак, ответ на вопрос „Слишком много или слишком мало рационализма в современном мире?“ зависит от того, как трактуется понятие рационализма. Если оно связывается с ориентацией на гармоничный и эффективный (не только в ближайшей перспективе) интеллект, то явно мало. Здесь стоит процитировать М.А. Косолапова, отмечающего „крайне невысокий пока уровень развития рационалистического сознания, его недостаточную способность направлять и контролировать даже индивидуальное, тем более социальное поведение человека. По существу, *Homo sapiens* еще только начинается“ [14, с. 18].

Едва ли требуется приводить примеры в подтверждение этого тезиса.

Хотелось бы присоединиться к В.С. Швырёву в подчеркивании общекультурного значения присущего рационалистической традиции ценностного аспекта как одной из составляющих системы высших человеческих ценностей. Речь идет о „традиции **свободной ответственной самосознающей мысли**, не подчиняющейся давлению внешних сил, будь то инерция обыденного сознания, авторитет традиции, религиозные догмы⁴, не говоря уже о грубом идеологическом и социальном диктате“ [26, с. 109]. Эта традиция сохраняет силу несмотря на изменение **форм рациональности**, обусловленное прежде всего переходом (например, в физике микромира) к изучению объектов, сильно отличающихся от тех, которые исследовались раньше. Впрочем, не в меньшей степени (пусть по другим параметрам) отличается от классических объектов естествознания человек как носитель сознания, как субъект деятельности и общения, одним словом – как личность.

При переходе к изучению необычных (по классическим меркам) объектов претерпевают радикальные изменения и способы вычленения предметов исследования, и исследовательские процедуры. Тем не менее, по-моему, нет необходимости в отказе от принципиальной гносеологической установки, выраженной в свое время Альбертом Эйнштейном в шутовом по форме, но очень серьезном по смыслу афоризме: „*Raffiniert ist der Herr Gott, aber boshaft ist Er nicht*“ („Господь Бог изощрён, но не злонамерен“; Бог трактуется здесь пантеистически, то есть отождествляется с природой). Речь идет о том, что природа (включая, будем считать, природу человека⁵), с одной стороны, принципиально доступна рациональному научному познанию, но, с другой стороны, очень сложна, причем не только в количественном, а и в качественном отношении („*raffiniert ist...*“), она отвергает неадекватные модели исследуемых объектов и исследовательских действий. Конкретнее говоря, нет, скажем, никаких оснований ожидать, что необычные объекты (например, элементарные частицы) будут вести себя подобно вещам, с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни и на опыте взаимодействия с которыми базируется наш здравый смысл. Но в том-то и состоит одно из главных свойств науки, что она (когда это необходимо для познания реальности) способна выйти за пределы будничных представлений и так называемого здравого смысла. Впрочем, и последний во всё большей мере испытывает изменения под влиянием представлений (пусть мифологизированных), источником которых служат научные открытия [1].

С людьми (точнее, с личностями) ситуация, конечно, несколько иная, чем с объектами ядерной физики: ведь именно с людьми каждый из нас сталкивается и взаимодействует едва

ли не больше, чем с чем-либо или кем-либо еще. Но **как объекты научного познания** люди, наверное, не менее экзотичны, чем элементарные частицы: в обоих случаях оказывается неадекватной опора на обычные для классической науки приемы мышления и экспериментирования (эти приемы более или менее соответствуют будничному опыту взаимодействия с окружающими безжизненными вещами и базирующемуся на нём „здоровому смыслу“). Поэтому указанные приёмы приходится изменять (как это и делается, в частности, в физике) – так что испытывают соответствующие изменения формы рационализма, но, думаю, не его сущность.

Поскольку за образец методологических рассуждений принято брать методологию физики, отмечу, что распространенные формулировки, в соответствии с которыми научная революция в физике конца XIX – начала XX ст. „полностью преобразовала идеалы и нормы научного познания“ [13, с. 40], отражают скорее мировоззренческие и социально-психологические феномены (представления и настроения физиков-теоретиков и философов науки); трактуемые же в сугубо методологическом плане, такие формулировки, по-моему, преувеличивают масштаб изменений, которые оказались необходимы вследствие открытий упомянутого периода. Если (с чем столкнулись физики) микрообъект, входя в разные взаимодействия (в частности, с прибором, которым управляет исследователь), приобретает существенно разные, несовместимые одно с другим свойства, то, значит, реальным **предметом**, свойства которого можно непротиворечиво описать, является система „микрообъект + прибор, управляемый исследователем“. Значит, природа оказалась **изошрённой** указанным образом, но **не злонамеренной** – о чем свидетельствуют последующие физические открытия и успешность (в профессиональном смысле) их практических применений. А то, что социальные последствия этих применений оказываются иногда ужасными, объясняется, помимо прочего, недостаточной рациональностью социального поведения (вспомним: „*Homo sapiens* еще только начинается“). Как говорят, дай Бог, чтобы он успел по-настоящему начаться.

Впрочем, возвращаясь к методологическим размышлениям. Для психологов должно представить интерес то, что с познавательными ситуациями, в чём-то подобными тем, с которыми столкнулись физики, можно встретиться и в психологической сфере. В письменном диалоге с Ролло Мэем Карл Роджерс, обобщая свой многолетний опыт, констатировал: „В психологическом климате, поощряющем [личностный] рост и выбор, мне никогда не встретился индивид, который избрал бы жестокий и деструктивный путь. Похоже, что выбор всегда делается в сторону большей социализации, лучших отношений с другими“ [22, с. 70]. Эти слова вызывают удивление, но не верить Роджерсу нельзя. Мэй в письме к Роджерсу предлагает своё объяснение: „Я охотно верю в невозможность для кого угодно провести в качестве пациента терапевтический час с Вами и не испытать влияния добра, идущего от Вас“ [22, с. 78]. Но возникает практический вопрос: сохранится ли это влияние, когда Роджерса не будет рядом? (Мэй пессимистически прогнозирует: „...некоторые пациенты разрушат себя, как бы много и хорошо Вы и я ни работали с ними“ [там же]). И вопрос методологический: какая система является в данном случае реальным **предметом** познания – пациент как личность или диада „пациент + психотерапевт (в частности, Роджерс)“?

Как правило, подчеркивают, что обращение к неклассическим объектам размывает ту четкую границу между исследователем и исследуемым объектом, которая была характерна для классического естествознания. С этим можно согласиться, но мне кажется, что методологи склонны недооценивать способность исследователя к **рефлексии**. Будучи **объективно** компонентом системы, выступающей предметом исследования, исследователь **субъективно**, в своем мышлении способен как бы подняться над исследуемой ситуацией (вопреки тому, что сам в неё включён, и даже в том случае, если его исследовательская

методология предусматривает активизацию его влияния на эту ситуацию), посмотреть на нее как бы извне, сверху и адекватно отобразить ее свойства в своих выводах. Этим он проявит себя как ученый и, шире, как **человек разумный**.

Обобщая сущностные черты методологических трудностей, с которыми сталкиваются и физики, и психологи, мы убеждаемся в правоте Эйнштейна: реальность всякий раз оказывается более сложной, более **изощенной**, чем это было бы удобно для исследователя, но он к этим трудностям (как, собственно, к любым трудностям в жизни) должен относиться спокойно и (воспользуясь новейшим термином) ассертивно, не подозревая природу (или Бога) в **злонамеренности**, избегая чего-либо подобного невротической тревоге, веря в свою способность тем или иным способом преодолеть трудности и рационально используя для этого все доступные ресурсы.

3

Наверное, следует считать одним из общих методологических принципов науки положение, согласно которому вычленяемые исследователем предметы и осуществляемые с этими предметами действия должны **соответствовать специфике исследуемых объектов**. Кстати, этот принцип можно трактовать как обобщенное перенесение на сферу взаимодействия исследователя с исследуемыми объектами определяющей установки гуманистического мировоззрения, требующей от каждого субъекта уважения к субъектам, с которыми он взаимодействует. Оказывается, что в определенном смысле объекты тоже **заслуживают уважения**.

При всей, казалось бы, очевидной правильности приведенного методологического принципа, его довольно часто не соблюдают. Поэтому настаивать на нем представляется актуальным.

В частности, когда речь идет об объектах, способных развиваться, – а такой способностью обладает подавляющее большинство объектов психологического познания, – то ее необходимо учитывать в процессе познания (в частности, прибегая к использованию не только статических, а и динамических моделей). В своей концепции генетической психологии С.Д. Максименко подчеркивает, что „действительное познание и понимание объекта исследования возможно лишь при условии прослеживания возникновения и становления данного объекта. Так что с генетической точки зрения, чтобы понять, что такое личность, следует объяснить и показать (**воссоздать в моделях**) процесс ее становления...” [15, с. 82] (выделено мной. – Г. Б.). К сказанному следует прибавить, что часто от динамических моделей требуется не только отображение прошлого, а и прогнозирование будущего (хотя бы в форме фиксации его вероятных вариантов).

Впрочем, с развивающимися объектами имеют дело очень разные науки, в том числе естественные – такие как космология, геология, целый ряд биологических дисциплин. Наиболее выразительной особенностью основных объектов психологии человека (да и человековедения вообще) является наличие у них **субъектных** качеств, прежде всего – **сознания**. В необходимости учета этой особенности заключается, как известно, главный вызов, стоящий перед науками о человеке.

Обсуждая его, часто приводят слова М.М. Бахтина: „Точные науки – это **монологическая** форма знания: интеллект созерцает вещь и высказывается о ней. Здесь только один субъект – познающий (созерцающий) и говорящий (высказывающийся). Ему противостоит только

безгласная вещь. Но субъект, как таковой, не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, **познание его может быть только диалогическим**” [6, с. 364] (выделено мной – Г.Б.).

Вызов, четко очерченный Бахтиным, в самом деле серьезен, и его игнорирование недопустимо. Вместе с тем существуют разные стратегии реагирования на этот вызов. Одну из них выделяет В.С. Библер, указывая, что „Бахтин наметил **переход от познающего к взаимопонимающему разуму**” [19, с. 198] (выделено мной - Г. Б.), и высоко оценивая значимость этого вклада Бахтина. Но есть и другая стратегия, которая предусматривает **совершенствование познающего разума** (в частности, учет методологических трудностей, о которых шла речь в разделе 2, и реализацию усилий по их преодолению).

Здесь прежде всего приходится констатировать понятийно-терминологические трудности, которые могут стать помехой дальнейшим размышлениям. Обратим внимание на то, что в приведенных высказываниях – при всей их принципиальной созвучности – М.М. Бахтин и В.С. Библер по-разному используют термин „познание”: Бахтин – в широком смысле, имея в виду любое обогащение человеческого знания относительно тех или иных объектов, Библер же (вслед за ним, и я в предыдущем абзаце) – в более узком смысле. Последний смысл в своей исходной (неусовершенствованной) форме соответствует классической научной методологии, в которой (как это подчеркивал Библер) нашли ярчайшее воплощение общие установки нововременной культуры.

Сделав эту оговорку, отмечу, что, на мой взгляд, оказание предпочтения той ли иной из очерченных выше стратегий должно существенным образом зависеть от цели, которую ставит перед собою субъект познания (в частности, ученый-исследователь), шире – от общей направленности его деятельности. Если осуществляемая этим субъектом познавательная (в широком смысле) деятельность является существенно⁶ включенной в процесс (всегда хотя бы в какой-то мере уникальный) его диалогического (опять-таки, в широком смысле) взаимодействия с другим субъектом или квазисубъектом (социальным сообществом, культурным направлением и т. п.), то интенция **взаимопонимания** и соответствующая установка разума безусловно заслуживают предпочтения. Именно такая парадигма структурирования познавательных ситуаций нужна в деятельности практиков социномических профессий (педагогов, практических психологов, менеджеров, политиков и т. п.), а также и исследователей-гуманитариев, стремящихся изучить тот или иной индивидуальный, **уникальный** человеческий феномен и, соответственно, применяющих для этого **идеографический** метод познания. Масштаб исследуемого уникального феномена (идет ли речь, скажем, об отдельной личности или обо всей истории человечества) не важен в обсуждаемом аспекте. Когда же исследователь направляет свои усилия на постижение **закономерностей** (а это необходимо для установления причинно-следственных связей), то есть работает в рамках **номотетического** метода, адекватной представляется **познавательная** (в более узком смысле) парадигма. Тем не менее (подчеркну это) последняя констатация ни в коей мере не оправдывает пренебрежения субъектными качествами исследуемых объектов⁷ (как известно, оно характерно, в частности, для бихевиористических подходов в психологии). Просто стратегия учета субъектных качеств должна быть другой, чем в случае идеографических изысканий. Выше я обозначил подходящую в данном случае стратегию как такую, которая „предусматривает совершенствование познающего разума” (напомню, что слово “познающего” употреблено в относительно узком смысле).

Чтобы разобраться в сути этой последней стратегии, зададим себе вопрос: не противоречит ли принципу учета субъектных качеств исследуемых лиц практика психологического экспериментирования, например, в сфере изучения познавательных процессов? На первый

взгляд, противоречит, причем существенно: исследуемый должен выполнять данное ему задание, каковы бы ни были его желания и взгляды (которые, при данной цели исследования, по большей части не интересуют экспериментатора). Тем не менее реально, если только эксперимент хорошо организован, происходит нечто иное. Исследуемые (часто это студенты психологических факультетов), как правило, стараются, во-первых, сотрудничать с экспериментатором и, во-вторых, продемонстрировать наилучшие результаты, на которые способны. Именно потому, что они проявляют эти субъектные качества (и той мере, в которой они их проявляют), экспериментатор обретает право, изучая психические функции, как бы абстрагироваться от субъектности исследуемых. В лаборатории, отмечает Р. Мэй, „присущий индивиду элемент решения и ответственности за собственную экзистенцию временно приостановлены ради цели эксперимента” [17, с. 134]. Но если исследуемый сознательно идет на такую приостановку, то тем самым реализует специфическим образом свою субъектность.

Исходя из сказанного, я решаюсь на такой комментарий к приведенной выше бахтинской максиме. Конечно, нет сомнения в том, что субъект „не может, оставаясь субъектом, **стать безгласным**” (выделено мной – Г.Б.). Но он – если сочтет это необходимым – вполне может (в соответствии с только что процитированными словам Мейя) **временно замолчать** или, скажем, подстроить свой голос под чей-то. Более того, он тем лучше реализует такую установку, чем выше уровень его субъектности. (Моральная оценка поведения этого субъекта будет зависеть от характеристик ситуации. В описанной ситуации психологического эксперимента „приглушение” испытуемым своего „голоса” заслуживает одобрения как проявление сотрудничества с экспериментатором.)

Так как же относиться к тезису Бахтина, согласно которому познание субъекта „может быть только диалогическим”? Если (к чему склонялся Бахтин) применять понятие диалога как широко трактуемую категорию человековедения и, соответственно, понимать приведенный тезис как фиксацию объективной закономерности, состоящей в проявлении определенных черт диалога в любом взаимодействии людей (включая взаимодействие исследователя и испытуемого в психологическом эксперименте, пусть даже построенном по самой жесткой бихевиористской схеме), то этот тезис следует признать истинным, но его методологическую ценность – несколько ограниченной, хотя его, конечно, следует принимать во внимание, интерпретируя результаты психологического исследования. Если же усматривать в данном тезисе методологическую установку, которая призывает исследователя как можно более полно опираться на упомянутую закономерность, сознательно выстраивая или регулируя диалог, – тогда, по моему мнению, точнее была бы формулировка: „познание субъекта **должно** быть диалогическим” (ведь какие-то знания субъект приобретает и далекими от оптимальности методами познания). При таком уточнении ценность данной установки представляется несомненной, но реализуется последняя по-разному в разных выделенных выше типах познавательной (в широком смысле) деятельности. Если осуществляющий ее субъект настраивает свой разум на **взаимопонимание** с субъектом, выступающим в качестве ее объекта, – то ли ради достижения обоюдных желательных результатов в той или иной практической сфере, то ли ради лучшего познания этого последнего субъекта в идеографическом стиле (часто обе цели органично сочетаются), – то естественным представляется безоговорочное доминирование диалогической парадигмы, которая как бы пронизывает весь процесс взаимодействия субъектов, с возможными уступками монологической парадигме на отдельных отрезках взаимодействия, имеющих четкое функциональное назначение (как, например, применение практическим психологом стандартизированных психодиагностических тестов в качестве одного из средств деятельности по оказанию помощи клиенту). В случае же привлечения исследуемого субъекта к номотетическим изысканиям диапазон технологической приемлемости монологической парадигмы

существенным образом расширяется, но в любом случае, относясь к исследуемому именно как к субъекту, мы должны реализовывать диалогические принципы по крайней мере в организации эксперимента, побуждая исследуемого к сознательному сотрудничеству с исследователем (которое иногда предусматривает – см. выше – временное „приглушение” исследуемым своего „голоса”) и вместе с тем настраивая исследователя на сотрудничество с исследуемым, искренний учёт его интересов и мотивов.

Впрочем, сказанное не исключает целесообразности там, где это отвечает задачам номотетического исследования, расширять применение диалогической парадигмы в самом его процессе. Эта тенденция находит яркое проявление в разработке и всё более широком применении нарративных методов. Поскольку, как пишет Н. В. Чепелева, повествовательный текст (нарратив) „организует, структурирует и артикулирует жизненный опыт человека” [21, с. 91], – „нарративный поворот в гуманитарных и социальных науках позволил... расширить предмет исследования личности...” [25, с. 292]. Нарративные приёмы проникают и в традиционные (в том числе и в наиболее близкие к естествознанию) области психологических изысканий. Так, интересные результаты в психофизике, где господствовала традиция „молчаливого испытуемого”, были получены К.В. Бардиным благодаря тому, что он, как отмечает М.И. Воловикова, отнес к исследуемому „как к субъекту, способному рассказать о том, каким образом он выполняет экспериментальное задание” [9, с. 137].

***

Как мне кажется, приведенные в этом очерке соображения подтверждают целесообразность, в частности в психологической сфере, радиогуманистической мировоззренческой и методологической ориентации и проясняют некоторые пути ее реализации. Вместе с тем остается немало вопросов, которые требовали бы анализа в этом контексте. Я имею в виду, среди прочего, проблему корректного привлечения методологических средств разного происхождения к радиогуманистически ориентированным психологическим изысканиям. На этой проблеме я предполагаю сосредоточиться в следующей публикации.

Литература:

1. **Аронов Р.А.** Сознание и квантовый мир // Вопр. философии. – 2005. – № 6. – С. 83 – 92.
2. **Ахиезер А.С., Гольц Г.А.** Неэффективность решений как фактор дезорганизации общества (на примере транспортной системы России) // Обществ. науки и современность. – 2003. – № 6. – С. 41 – 50.
3. **Балл Г.** Методолого-психологічні роздуми в гуманістичному контексті // Соціальна психологія. – 2006. – № 4. – С. 3 – 14.
4. **Балл Г.** Сучасний гуманізм та його діалогічні орієнтири // Психологія і суспільство. – 2006. – № 3. – С. 7 – 31.

5. **Балл Г.О.** Принцип раціогуманізму та його значення для психології // Наук. записки Інституту психології ім. Г.С. Костюка АПН України / За ред. акад. С.Д. Максименка. – К.: Міленіум, 2006. – Вип. 25. – С. 81 – 97.
6. **Бахтин М.М.** Естетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
7. **Библер В.С.** На гранях логики культуры: Книга избранных очерков. – М.: Русск. феноменологич. общ-во, 1997. – 440 с.
8. **Войтко В.І., Балл Г.О.** Узагальнена інтерпретація поняття моделі // Філософ. думка. – 1976. – № 1. – С. 58 – 64.
9. **Воловикова М.И.** Мастер психологии (штрихи к портрету К.В. Бардина) // Психол. журн. – 2000. – Т. 21. – № 2. – С. 136 – 137.
10. **Гаспаров М.Л. Ю.М.** Лотман: наука и идеология // Обществ. науки и современность. – 2006. – № 5. – С. 114 – 119.
11. **Гончаренко С.У.** Зміст загальної освіти і її гуманітаризація // Неперервна професійна освіта: проблеми, пошуки, перспективи / За ред. І.А. Зязюна. – К.: Віпол, 2000. – С. 81 – 107.
12. **Ерёменко А.** История как событийность: В 2 т. – Луганск: РИО ЛАВД, 2005. – Т. I. – 544 с.; Т. II. – 496 с.
13. **Корнилова Т.В., Смирнов С.Д.** Методологические основы психологии. – СПб.: Питер, 2006. – 320 с.
14. **Косолапов Н.А.** Что это было? (Размышления о перестройке в свете ее когнитивных итогов) // Обществ. науки и современность. – 2005. – № 1. – С. 5 – 19.
15. **Максименко С.Д.** Методологічний статус категорії „ нужда” в психології особистості // Актуальні проблеми соціології, психології та педагогіки: Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції „Тенденції розвитку психології в Україні: історія та сучасність”. – К.: Либідь, 2006. – С. 80 – 89.
16. **Маслоу А.** Новые рубежи человеческой природы. – М.: Смысл, 1999. – 425 с.
17. **Мей Р.** Становлення екзистенційної психології // Гуманістична психологія: Антологія в 3-х т. / За ред. Р. Трача і Г. Балла. – Т. 1. – К.: Пульсари, 2001. – С. 124 – 162.
18. **Мироненко И.А.** Об интеграции психологического знания // Вопр. психологии. – 2004. – № 3. – С. 153 – 155.
19. Наследие Бахтина и история науки и культуры (интервью с В.С. Библером и А.В. Ахутиным) // АРХЭ: Труды культурологического семинара / Ред. И.Е. Берлянд. – М.: РГГУ, 2005. – Вып. 4. – С.179 – 228.
20. **Почепцов Г.** Динаміка віртуального простору в рамках віртуальної війни і революції // Політ. менеджмент. – 2004. – № 5. – С. 3 – 14.
21. Проблеми психологічної герменевтики / За ред. Н.В. Чепелевої. – К.: Міленіум, 2004. – 276 с.

22. **Роджерс К., Мей Р.** Діалог з проблеми зла і злої поведінки // Гуманістична психологія: Антологія в 3-х т. / За ред. Р. Трача і Г. Балла. – Т. 2. – К.: Пульсари, 2005. – С. 69 – 87.
23. **Трач Р.** Нігілізм як виклик (Сучасна духовна криза і психологія) // Гуманістична психологія: Антологія в 3-х т. / За ред. Р. Трача і Г. Балла. – Т. 2. – К.: Пульсари, 2005. – С. 9 – 35.
24. **фон Хайек Ф.А.** Претензии знания // Вопр. философии. – 2003. – № 1. – С. 168 – 176.
25. **Чепелєва Н.В.** Особистий досвід суб'єкта у контексті психологічної герменевтики // Людина. Суб'єкт. Вчинок: Філософсько-психологічні студії / За заг. ред. В.О. Татенка. – К.: Либідь, 2006. – С. 280 – 302.
26. **Швырёв В.С.** Рациональность в современной культуре // Обществ. науки и современность. – 1997. – № 1. – С. 105 – 116.
27. **Шугуров М.В.** “Праздная” толерантность: постмодернистский сценарий // Обществ. науки и современность. – 2003. – № 5. – С. 140 – 149.

1 Она, в свою очередь, конкретизирует одну из еще более общих установок гуманистически ориентированного социального поведения в ситуациях, чреватых конфликтами, – принцип неконфронтационной преданности человека определенному сообществу [4, с. 20].

2 Мне могут возразить, что на определенных этапах научной деятельности (например, когда надо защитить от огульной критики только что родившуюся и потому еще слабую, но, как уверен ее автор, перспективную идею) страстная, почти фанатичная вера автора в нее (такой вере может благоприятствовать его холерический темперамент) способна служить научному прогрессу. Я готов согласиться с этим уточнением, подчеркнув слова „на определенных этапах”. Кроме того, я, адресуя и самому себе рекомендации, которые излагаю в этом очерке, не абсолютизирую собственные идеи, но уверен в их эвристичности.

3 Четко очертил сущность опасной духовной ситуации в современном мире В.С. Библер: „философский разум встречает сейчас мощный отпор всемогущего рассудка и спорящего с рассудком за власть над сознанием и мирно разделяющего эту власть иррационального экстаза” [7, с. 244].

4 Отмежевание научного рационализма от религиозных (как и любых других) догм не исключает ни признания важной роли религии как носителя и транслятора духовных ценностей, ни значимости вклада теологии и религиозной философии в раскрытие сложных соотношений между смыслами, которые способны быть движителями человеческих чувств, мыслей и действий.

5 Надеюсь, читатель извинит мне игру со значениями слова „природа”, так как эта игра не мешает осуществляемому здесь анализу.

6 Это уточнение говорит о том, что абстрагирование от констатируемой включённости (объективно неизбежной) несовместимо с целью деятельности.

7 Надо ли лишней раз объяснять (сталкиваясь с отрицательной эмоциональной реакцией многих), что свойства „быть объектом” и „быть субъектом” вполне совместимы? То, что я являюсь субъектом, отнюдь не исключает того, что я буду объектом познания и влияния со стороны других субъектов (а также и самого себя, если я как субъект буду находиться в рефлексивной позиции). Гуманистические принципы требуют не абсолютно нелогичного (с научной точки зрения) отрицания упомянутой совместимости, а уважения (со стороны того, для кого я стал объектом) к моим субъектным свойствам.